

Спустя некоторое время служанки и евнухи, отвечавшие за уборку во Дворце Цычэнь, потянулись наружу один за другим. Вслед за ними через боковую дверь вошла другая группа евнухов. Когда они зашли, последний из них закрыл двери Дворца Цычэнь. Еще через четверть часа снаружи раздался резкий, пронзительный голос, словно кто-то кричал во всю глотку:

— Чиновники, войти во дворец!

— Чиновники, войти во дворец!

— Чиновники, войти во дворец...

Этот призыв, передаваясь из уст в уста, эхом разнесся по всему императорскому дворцу.

Когда крики затихли, Тан Шэнь наострил уши и услышал приближающийся гул шагов. Евнухи, что уже находились во Дворце Цычэнь, склонили головы и подошли к дверям с обеих сторон. Раздался протяжный скрип — чтобы распахнуть одну створку, потребовались усилия четырех человек. Всего восемь евнухов полностью открыли обе боковые двери. В следующий миг в зал один за другим стали входить гражданские и военные чиновники в парадных одеяниях, соответствующих их рангам.

Тан Шэнь и Ли Шу стояли по левую сторону от императорского трона, то есть справа от входящих чиновников.

Гражданские занимали левую сторону, военные — правую. Перед Тан Шэнем стояли военачальники. Подняв глаза, Тан Шэнь заметил Ван Чжэня в рядах гражданских чиновников слева. Облаченный в красное чиновничье одеяние, он держал в руках длинную яшмовую дощечку и стоял третьим в ряду. Двое стоявших перед ним мужчин носили одеяния гражданских чиновников первого ранга. Среди тех, кто стоял рядом с ним, тоже были люди в одеждах первого ранга.

А замыкали это шествие чиновники четвертого ранга.

В Великой Сун превыше всего ценилось гражданское управление. Со времен первого императора был отменен обряд коленопреклонения; обычно под выражением «опускаться на колени» подразумевалось сидение на голених. На утренних же аудиенциях чиновникам и вовсе дозволялось не преклонять колени перед императором — они стояли в зале и смотрели на государя снизу вверх.

Выложенный золотым кирпичом пол просторного зала источал волны пронизывающей прохлады.

Чиновники стояли, держа в руках дощечки. Спустя четверть часа главный евнух Цзи Фу зычно прокричал во весь голос:

— Чиновники, явиться на аудиенцию!

Ли Шу тут же поднялся. Тан Шэнь последовал его примеру и вместе со всеми чиновниками в зале склонился в глубоком поклоне. Десятки голосов слились в единый хор, огласивший Дворец Цычэнь и устремившийся к самым небесам:

— Приветствуем Его Величество!

Тан Шэнь и Ли Шу стояли за украшенной резным драконом колонной из белого нефрита по

левую сторону от драконьего трона. Они согнулись в поклоне, и в этот момент мимо них прошел Чжао Фу. Тан Шэнь успел заметить лишь краешек ярко-желтого одеяния. Его веко дрогнуло. Мгновение спустя раздался негромкий голос Чжао Фу:

— Без церемоний.

— Благодарим Его Величество.

Ли Шу сел и приготовился вести записи, а Тан Шэнь встал позади него.

В тихом и прохладном Дворце Цычэнь безмолвно началась утренняя аудиенция.

Весь центр власти Великой Сун находился по другую сторону от этой небольшой резной колонны из белого нефрита. Один из чиновников выступил вперед, чтобы доложить о недавних военных действиях на границе. Чжао Фу выслушал его и обронил лишь: «Обсудим позже». Ли Шу занес эти слова в «Записи о жизни и деяниях». Министры один за другим выходили со своими прошениями, в основном докладывая о текущих делах.

Никаких важных событий при дворе не происходило.

Спустя час утренняя аудиенция завершилась. Повернувшись к трону, чиновники совершили прощальный поклон, провожая Чжао Фу. Только после его ухода они стали покидать Дворец Цычэнь через две боковые двери. К этому моменту Тан Шэнь, Ли Шу и еще один чиновник канцелярии хроник уже вышли из зала вслед за Чжао Фу.

С самого начала утренней аудиенции регистратор императорских хроник и двое чиновников канцелярии хроник неотступно следовали за Чжао Фу. За исключением отлучек по нужде, они не отходили от него ни на шаг. Лишь к вечеру, когда Чжао Фу отправился на Террасу Восхождения к Бессмертным для даосских практик, троицу остановили у дверей — войти позволили только двум мальчикам-послушникам.

Тан Шэнь с недоумением взглянул на Ли Шу, но тот лишь смотрел в землю, не проронив ни слова.

Тан Шэнь мысленно вздохнул.

Император все-таки остается императором!

По правилам регистратор императорских хроник и чиновники канцелярии хроник должны были сопровождать государя с утра до самого вечера — от утренней аудиенции до его ухода во внутренние покои дворца. Однако Чжао Фу во время своих даосских практик никогда не позволял им следовать за собой. Это нарушало все устои, но никто не смел возразить ему и словом.

И все же этот император считался довольно законопослушным.

Говорили, что в прошлые династии один из правителей, державший всю власть в кулаке, однажды внезапно пожелал прочесть «Записи о жизни и деяниях». Все гражданские и военные чиновники в один голос взмолились: «Ваше Величество, этого делать нельзя!» Но император и слушать ничего не желал. Как бы его ни уговаривали, он упрямился, а министры не могли перечить самодержцу и уступили. Вот только к тому моменту, когда «Записи о жизни и деяниях» попали в руки правителю, в них уже было внесено множество изменений.

Позже историки описали это событие в летописях, и потому «Записи о жизни и деяниях» периода его правления многие историографы признали недостоверными.

Чжао Фу на его фоне вел себя куда лучше: он просто не позволял сопровождать себя, но никогда не вмешивался в составление «Записей о жизни и деяниях». В повседневных делах он поступал безупречно — возможно, его нельзя было назвать великим мудрым правителем, но он определенно был рассудительным и добросовестным государем.

Когда император закончил практики, отужинал и удалился во внутренние покои, Тан Шэнь с коллегами под покровом сумерек поспешили покинуть дворец, пока ворота не закрыли на замок.

Так прошел первый рабочий день Тан Шэня. На следующий день ему не нужно было идти во дворец, и он провел время за чтением книг в управе.

День шел за днем, и незаметно пролетела неделя.

Тан Шэнь все еще учился под началом Ли Шу и сам к работе толком не приступал, но именно в это время ему довелось встретить кое-кого.

В свой выходной день Тан Шэнь вместе с Яо Санем с самого утра отправился на пристань у канала на западе города Шэнцзин. Они стояли на причале, вглядываясь в бескрайнюю водную гладь. Спустя полчаса на горизонте показалось пассажирское судно. Едва корабль причалил к берегу, пассажиры один за другим стали выходить из каюты. Когда на палубе показались Тётушка Яо и Тан Хуан, Яо Сань сразу же узнал свою мать и взволнованно закричал:

— Матушка, матушка, я здесь!

Увидев сына, Тётушка Яо от радости прослезилась.

Рядом с Тётушкой Яо стояла, разумеется, Тан Хуан. Но Тан Шэнь, глядя на эту стройную, повзрослевшую девушку, застыл на месте как вкопанный. Только когда Тан Хуан и Тётушка Яо подошли ближе, он пришел в себя и неуверенно позвал:

— Тан Хуан?

Под ясным голубым небом хрупкая девушка в юбке лунного цвета с узором жуи и бледно-сиреневом наряде, накинувшая короткую куртку на белом лисьем меху, выглядела на редкость изящно и миловидно. Стоя у бегущей воды, она казалась куда более нежной и утонченной, нежели столичные барышни, — в ней угадывалась мягкая прелесть уроженки края Цзяннань.

Тан Шэнь не виделся с сестрой всего два года и никак не ожидал, что она так расцветет!

Впрочем, он тут же вспомнил, что Тан Хуан в этом году исполнилось двенадцать. В его прежней жизни двенадцать лет — это возраст выпускницы начальной школы, но здесь еще три года, и она достигнет совершеннолетия, после чего сможет выйти замуж.

И все же Тан Шэню казалось, будто что-то здесь не так.

Заметив, что брат разглядывает ее наряд, Тан Хуан опустила голову и тихо пробормотала:

— Старшая тетя говорила, что в Шэнцзине холоднее, чем в Гусу, поэтому велела взять побольше теплой одежды. Но сейчас мне кажется, что здесь не так уж и холодно.

Она поспешила объяснить, почему надела куртку с лисьим мехом.

Тан Шэнь окинул сестру взглядом, а через мгновение на его лице отразилось понимание, и он с улыбкой произнес:

— Да ты поправилась!

Тан Хуан тут же вскинула голову и возмущенно уставилась на него:

— И вовсе я не толстая!

Тан Шэнь расхохотался:

— Разговариваешь так тихо, едва дышишь — разве это не оттого, что тебе тяжело дышать из-за лишнего веса? О, а сейчас-то голос сразу прорезался.

Тан Хуан в гневе воскликнула:

— Паршивый братец, неужели ты не можешь сказать хоть что-то приятное?!

— Горькая правда глаза колет, а я, как старший брат, желаю тебе только добра, — с самым искренним видом ответил Тан Шэнь.

Тан Хуан лишь промолчала в ответ.

«За эти два года братец так и не вылечил свою больную голову!» — подумала она.

После этой шутливой перепалки они дружно рассмеялись и сели в экипаж, чтобы отправиться в Поместье Таньхуа.

Устроившись в повозке, Тан Хуан наконец смогла вздохнуть с облегчением.

В начале прошлого года, когда Тан Шэнь только уехал, Тан Хуан очень скучала по нему и каждый день мечтала поскорее перебраться в Шэнцзин. Но со временем ее чувства стали меняться. Люди вокруг твердили ей, что ее брат сдал провинциальный экзамен на звание Яюаня и стал почтенным господином. Затем пошли слухи, что Тан Шэнь и вовсе занял третье место на столичных экзаменах, став Таньхуа — настоящим высокопоставленным чиновником.

Тан Шэнь воспитывал сестру свободно: в отличие от других глав семейств, он не держал женщин взаперти в глубине усадьбы и не запрещал им выходить наружу. У Тан Хуан был собственный домашний учитель, и она часто гуляла с другими барышнями из благородных семей управы Гусу. Кое-кто поговаривал, будто Тан Шэнь, став Таньхуа и получив должность, изменился, и даже родной сестре отныне нужно вести себя с ним осторожно, не забывая о приличиях.

Поэтому перед отъездом в Шэнцзин Тан Хуан терзали сомнения. Взойдя на корабль, она даже немного испугалась.

Однако теперь, встретившись с братом, она успокоилась: он остался все тем же вредным братом, который только и умеет, что дразнить ее.

К тому времени как они вчетвером добрались до Поместья Таньхуа, Тан Шэнь уже успел расспросить о событиях, произошедших в управе Гусу за два года его отсутствия.

Яо Сань сказал:

— Об этом я рассказывал молодому хозяину еще в прошлом году, когда только приехал в управу Гусу. Эх, беда не приходит одна, и завистники сразу накинулись на нас. Стоило вам в прошлом году покинуть Гусу, как несколько трактиров и лавок благовоний положили глаз на наше дело. Придаться к работе Павильона Чжэньбао или Терема Сися им не удалось, поэтому они нацелились на нашу службу доставки «Тан Шэнь Логистик» и оклеветали наших работников, обвинив их в краже. Но как только до Гусу дошла весть о том, что молодой хозяин стал учеником великого ученого господина Фу, эти негодяи в одночасье притихли и бесследно исчезли.

<http://bllate.org/book/18292/1754530>